

Закаты и зори цивилизации. На возврате к традиции.

Два эссе

Григорий Соломонович Померанц,

известный российский писатель, философ, культуролог, правозащитник. 1918-2013)

Когда Петр прорубил окно в Европу, это изменило не только Московскую Русь; Русь вышла из тупика истории, в котором оказалась после краха Византии, и стала Российской империей, великой европейской державой. Но изменилась и Европа. Европа (как культура, а не континент) складывалась из обломков Западной Римской империи, ассимилированных вторгшимися племенами, и постепенно формировалась как система наций, опекаемых римской курией. Сперва она жила в старых границах, созданных античностью, и вторжение Руси в это западнохристианское пространство было принято неохотно и недоверчиво. Тем не менее оно прижилось. И начиная с России, продолжалась в Америке и на других континентах; и Европа расплылась в Запад, противостоящий миру ислама, индуистско-буддийскому миру и миру конфуцианско-буддийскому.

Первенство ее казалось очевидным в XIX в., но оно не состоялось, и сегодня она только партнер в глобальном диалоге. Более того, начиная с терпимости, победившей на рубеже XVIII–XIX вв., Европа теряла свою христианскую окраску, и недавно фрау Меркель поздравила «голубую пару» с ее официальным бракосочетанием.

Освальд Шпенглер был прав, назвав свою книгу «*Untergang des Abendlandes*», и русские переводчики напрасно подправили его, ограничив упадок словами «Закат Европы» (то есть исключая из упадка Соединенные Штаты). Дальнейшие события, начиная с биржевого краха 1929 г. и кончая физическим вымиранием белой расы, показали, что упадок поставил под вопрос всю западную цивилизацию.

Дух терпимости, победивший после горького опыта религиозных войн, сперва означал только забвение проклятий, брошенных друг в друга римским папой и вселенским патриархом. Но процесс секуляризации приобрел в XX веке новые измерения; он заставляет вспомнить римских ветеранов, распевавших на триумфе Юлия Цезаря свои частушки: «Вот едет лысый развратник./ Берегитесь, римские матроны,/ Вот едет муж всех римских матрон / И жена всех своих друзей». Нравы начинавшегося римского упадка кажутся сегодня пророчеством о современном западном понимании свободы.

В годы моей юности считалось, что великие азиатские цивилизации просто отстали от передовой Европы. Сегодня они становятся лидерами глобального прогресса, каждая по-своему. Китай заваливает мировой рынок дешевой, а Индия развивается в своем стиле: одни кастовые и квазикастовые группы развивают современную экономику, а другие внедряют упанишады в духовную жизнь Запада.

Индия и Китай не знали запустения и варваризации. Варвары иногда прорывались сквозь границы, но масса носителей местных традиций ассимилировала их. Я подчеркиваю, что в Средиземноморье варвары ассимилировали обломки римской цивилизации, а в Азии процесс шел в обратном направлении: через два-три поколения князя вторгшегося народа заказывали родословные, изготовленные брахманами, и становились еще одной кастой в варне кшатриев; или, в Китае, они сдавали экзамен и становились китайскими мандаринами.

Это можно проследить даже в судьбе еврейских купцов, осевших в средневековом Китае. Они сохраняли свои священные свитки, но не могли их прочесть; а фигурки предков в кумирнях ничем не отличались от фигурок у китайских соседей.

Здесь не было опустевших земель, не было и вымиравших рабов, которым не хотелось думать о потомстве при судьбе «говорящих орудий», наряду с орудиями немymi и мычащими. Понятие «раб» бытовало у многих народов, но оно обычно не имело римского смысла. Например, в еврейском праве раб, отбив семь лет, выходил на волю — и освобождался еще раньше, если хозяин наносил рабу увечье, хотя бы зуб выбил. В других восточных системах такой строгой регламентации не было, но в Индии слово «даса» просто не различало раба и слугу; в Китае опыты рабовладения были испытаны в древности и отброшены как нецелесообразные, и при смене династий крестьяне освобождались от долгов, закабалявших их.

Средиземноморское право рабства началось, как мне кажется, в торговых городах, возникших на окраинах ближневосточных царств. Ни одно из этих царств не было долговечным. В хаосе, созданном войнами, исчезали архаические племенные традиции, и их надо было чем-то заменить. Заменой были городские конституции, созданные логическим мышлением. А всякий логический

принцип можно довести до абсурда; и римляне сделали только последний шаг. Другой губительной чертой была неспособность городов-держав ужиться друг с другом, как впоследствии уживались европейские нации. Два хищника не могли ужиться в одной берлоге. «Карфаген должен быть разрушен», — повторялось в римском сенате. И вслед за победой Рима начался его медленный упадок. Цельность античности покрывалась трещинами, цветущие провинции пустели — и на обломках мировой державы начали складываться нации, при участии варваров; а через тысячу лет начался новый цикл.

Почему обломки античности, вошедшие в средневековый синтез, стали вырываться из него, всплывать наверх и в вольных городах ожили тени древних? Почему готические соборы, с их взлетом в небо, остались недостроенными и уступили место дворцам, развернутым по горизонтали, с открытыми окнами на земную, преходящую жизнь? Можно сказать, что строители храмов устали, как устали некогда египтяне от строительства пирамид. Но египтяне и без новых пирамид сохранили устойчивость своей культуры на пару тысяч лет — без свободы и без рабства, со всеобщей барщиной, окормляемой жрецами; и неповторимость просвечивает в каждом камне. А на землях, вошедших в Запад, цивилизации быстро дряхлеют, и дай Бог нынешней цивилизации выйти из кризиса.

В Индии и Китае не было этой стремительности развития, с резкими поворотами и быстрой старостью. Они сохранили свои древние корни и единство истории, подобно Древнему Египту, их верность себе защищена была природными границами, полуизоляцией друг от друга и от западных соседей стенами гор и бурным океаном. До прихода ислама здесь невозможна была война цивилизаций, и ислам завоевал только окраины Индостана. До этого цивилизации Востока только слегка связывали караваны международной торговли, а потом буддийские проповедники; и контакты были ненасильственными. Лишь одно влияние прижилось и расцвело: распространение буддизма на Дальнем Востоке, в те самые годы, когда в Индии он отступал в долгом диалоге с индуизмом. И состоялось влияние потому, что нашло общий язык с Лао-цзы и Чжуан-цзы и как бы дополнило и развило их учения, когда это понадобилось культуре Китая, по мере самоуглубления духовной элиты, привлекая образом истины, скрытой в глу-бине духа.

С тех пор Дальний Восток объединяет с Индией чувство истины, постигаемой вне слов, по ту сторону логики. Так, как ее еще до буддизма понимал Яджнявалкья, мудрец в «Брихадараньяке-упанишаде», отвечавший на все попытки однозначной истины: «не это, не это!» А Уддалакла Арунья в «Чхайдогье-упанишаде» повторял: «Ты это То», очень близко к словам Христа: «Царство Божие внутри нас». Мысль, до сих пор недоступная большинству христиан, не говоря уже о низах народной массы, и великие религии сходятся в кружении вокруг тайны, не поддающейся точному слову.

Дальний Восток и Индия донесли до наших дней плюрализм подступов к целостной истине. Миссионеры смешивали это с язычеством, но они ошибались. Взаимному пониманию мешало высокомерие европейцев, гордившихся превосходством западной науки и техники. Но чувство превосходства Европы рухнуло в войнах XX в. и освободило духовные пути.

Я запомнил на всю жизнь потрясение Роже-Мартена дю Гара, выраженное в романе «Лето 1914 года». Как будто ясное летнее небо обвалилось и откуда-то полились потоки национальной ненависти. Герцен, став свидетелем разрушенных баррикад 1848 г., предвидел последствия политики, разжигавшей национальную ненависть, оберегая себя от ненависти социальной. Когда все уже случилось, его слова звучали как пророчество: «будет вам война семилетняя, тридцатилетняя!»

Однако случилось все позже, через шестьдесят с лишним лет. А пока, читая Золя, читая Чехова, попадаешь в устоявшийся, прочный быт, в котором угасли страсти Бальзака, страсти Достоевского, и казалось, что век, начавшийся в 1815 году, еще долго не кончится. Разве через 100–200 лет (мечтали герои Чехова) наступит более светлое время.

Все шло по порядку. Одна волна прогресса, уступив на время романтическому откату, сменялась другой, и мятежный поэт Николай Гумилев уезжал в Африку, ища бурь и гроз. Символизм, с его смутными ожиданиями, уступал место прозрачной ясности акмеизма. «Я на правую руку надела перчатку с левой руки...», — писала Ахматова. Вот и все, что прорывалось из внутренней жизни в жизнь внешнюю, зримую. Пышно цвела экономика. Концерт великих держав улаживал мелкие конфликты. Тройственное согласие уравнивало Тройственный союз... И все это сразу рухнуло в бездну.

Вмешательство Америки позволило в 1918 году как-то свести концы с концами, но мировой экономический кризис снова все развязал, и после Второй мировой войны Европа стала предметом дележа в Ялте и Потсдаме. Восстанавливая свой престиж, европейские нации объединились в подобие коалиционной сверхдержавы. И начала складываться перекличка

цивилизаций, структура, подсказанная структурой наций Европы. И Запад входит в эту систему на равных правах с другими.

Но это только образ, зримое будущее, еще не ставшее полной реальностью. Я его ощущаю яснее всего в области духа, в книгах Экхарта Толле, Кена Уилбера, которые сегодня можно прочесть и на русском языке. Повседневной реальностью стал Интернет. Он создал сеть связей, пересекающую все границы. Он опрокидывает «вертикаль», навязанную властными центрами. Он прорывается в программу «Родительское собрание» на радио «Эхо Москвы» со стихами таксиста Дмитрия Люляева, и Е.А. Ямбург цитирует их как свидетельство настроений молодежи, не поддающейся управлению. Приведу из этих стихов четыре строки. Они дают представление обо всем остальном в «русском пейзаже», как Люляев их назвал.

*...Страна, где некуда идти,
Где перекрыты все пути,
Где ворон слаще соловья –
Все это родина моя...*

Тот же Интернет приносит со всех концов отклики на тихий голос Зинаиды Александровны и наши общие попытки передать свой опыт.

Зинаида Миркина

Post Scriptum

Григорий Соломонович подвел историческую базу, некий итог истории, приведший вплотную к духовным задачам современности. Если говорить о духовном климате современного мира, то он приводит в ужас, так же как жара со смогом лета-2010 в Москве и ледяной дождь зимой-2011. Но есть веянья, не такие явные, явления не такие массовые, которые, однако, имеют совершенно противоположный характер.

Я смотрю на историю с ужасом, и она кажется мне историей сумасшедшего дома. Но, может быть, это все-таки история духовного роста человечества, неизбежного роста, который не может не привести к изменениям. И вся дикая агрессия, все войны, звериная жестокость, фанатизм — подростковый период человечества, который неминуемо ведет нас либо к краху, либо к преображению. Современный духовный учитель, живущий в Америке, Экхарт Толле считает, что мы сейчас ближе к преображению, чем когда-либо. Но все то страшное, циничное, что бурлит на поверхности, гораздо шумнее и ярче и потому заметнее тех глубинных процессов, которые происходят и внушают ему надежду.

Кто такой Экхарт Толле? У нас его мало знают, но в Штатах книги его стали бестселлерами и издаются пятимиллионными тиражами. И это отнюдь не за счет снижения уровня и угождения массам. Как раз напротив. Духовный уровень его книг бескомпромиссно высокий. Я бы сказала — высочайший. И они нужны. Они очень востребованы.

Это духовный учитель, хоть ни к какой определенной религии он себя не привязывает. Он не называет себя христианином, но говорит о Христе так, что знакомые мне христианские священники принимают его слова с трепетом и любовью.

Все, что он говорит, основано на личном опыте, на глубинном переживании, преобразившем его, давшем ему живое неопровержимое чувство бессмертия. Таинственные слова Христа «Я есмь воскресение и жизнь вечная» заново родились в нем. Но вечным он почувствовал не черты своего лица (кстати, довольно обыкновенные), не своего тела, не то свое «я», которое отделено от всецелого мироздания и именуется «эго». Нет. Он почувствовал, что кроме всего этого глубже всего этого в нем есть что-то еще, и оно — нетленно. Именно с этим внутреннейшим, глубинным, нетленным он и отождествил себя и ни с чем другим.

И вот тогда вдруг встали на место, сложились сами собой, как ледяные кубики Кая в слово «Вечность», вот так же встали слова Христа: «Царствие Божие внутри нас».

Положа руку на сердце многие ли христиане понимают, что это такое? Царствие Божие, т.е. Сам Бог внутри нас? В нас с вами? Кто же мы такие?

Митрополит Антоний Блум (Сурожский) в 2000 году говорил, что мы теряем, может быть, последний шанс превратиться из церковной организации в Церковь. Церковью он называл собрание людей, имевших живую встречу с Христом. Может быть, не такую потрясающую, как встреча апостола Павла, которая полностью преобразила его, произвела переворот внутри, позволивший ему сказать: «Я умер, жив во мне Христос». Да, может быть, не такую, но все-таки чувство, что я знаю Его, прикасался к Нему. То есть живой опыт богообщения. Присутствия Божьего, то есть присутствия Жизни Вечной, ее живое ощущение.

Истинная Церковь может основываться только на людях, имевших личный опыт. На внутреннем опыте, а не на внешнем авторитете. Понимание этого и есть зрелость человечества. И вот процесс такого взросления сейчас происходит интенсивнее, чем когда-нибудь.

Экхарт Толле не называл себя христианином. Но вот цитата из книги христианского монаха Энтони де Мелло:

«Мастер говорил, что абсурдно называть себя индейцем, китайцем, африканцем, американцем, индуистом, христианином или мусульманином. Это всего лишь ярлыки. Ученику, который заявлял, что он прежде всего иудей, а потом все остальное, он мягко сказал:

— Это не твоя сущность. Это обусловленность у тебя иудейская.

— А что же есть моя сущность?

— Пустота.

— Ты хочешь сказать, что вакуум, пустое место? — недоверчиво переспросил ученик.

— Ты то, на что нельзя поставить ярлык».

А вот другое место из Энтони де Мелло:

«Одного европейского философа раздражали парадоксальные высказывания Мастера.

— Я слышал, — сказал философ, — что к востоку от Суэцкого канала два противоречащих друг другу утверждения могут оказаться одновременно истинными.

Мастер оценил высказывание.

— К востоку от Суэцкого канала и на сантиметр вглубь реальности, — сказал он. — Вот почему реальность остается необъяснимой загадкой».

Вот понимание того, что реальность остается необъяснимой загадкой; понимание того, что нас окружает, пронизывает великая жизнетворная Тайна, и наш ум не может втиснуть ее в свои одномерные рамки. Понимание этого и есть основа для сближения умов. Для совмещения в одном духовном пространстве множества форм, облиций.

«Я знаю только то, что я ничего не знаю», — сказал Сократ.

«Господь непостижим и непредставим умом» — вот основа истинной богословской мудрости. Спор между собою о первенстве, об истинности форм и идей — подростковая игра, тинейджерство человечества. К сожалению, отнюдь не детская, не безобидная — кровавая игра.

Все формы и имена могут быть истинными, если сознают, что они лишь формы и имена, а Суть безымянна и вне формы.

Вот слова мусульманского мистика суфия ибн Аль Фарида:

О, создатель всех форм, что как ветер сквозной

Сквозь все формы течет, не застыв ни в одной —

Ты, с кем мой от любви обезумевший дух

Жаждет слиться! Да будет один вместо двух!

Когда на одной конференции в Швейцарии у Далай-ламы спросили, в чем особенность ламаизма, он сказал: главное — это любовь в сердце, а метафизические теории могут быть самыми разными. Метафизические теории — вещь сложная. А кроме них есть что-то очень простое.

В родстве со всем, что есть уверяясь

И знаясь с будущим в быту,

Нельзя к концу не впасть, как в ересь,

В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,

Когда ее не утаим.

Она всего нужнее людям,

Но сложное понятней им.

Неслыханная простота, о которой говорит Пастернак, это прямой разговор души с Богом — напрямик. Без посредников. Это разговор с целостным мирозданием — со всем сразу. Если хотите, это разговор с самим собой, со своей последней бессмертной глубиной. Это пробуждение этой глубины и ощущение своего родства, своего единства со всем мирозданием. Ты вдруг оказываешься не оторванным листком, а единым со всем и всеми. И душа твоя становится бескрайней, как небо.

Это так просто! «В родстве со всем, что есть, уверяясь». Да, просто целостному существу и совершенно непонятно осколкам, которые окружены осколками и готовы складывать, вычитать, делить и умножать осколки на осколки. Все эти сложные действия им понятны и доступны. Но сразу охватить все одним взглядом и вместить в свое сердце... Нет, этого понять нельзя.

Есть одна замечательная сказочная повесть у нашего современного писателя и мыслителя Андрея Суздальцева «Май, драконы и волшебное зеркало». В седьмой главе этой повести герой попадает в подземный город, где все — и люди и вещи — из льда. Из льда дома, из льда — автомобили, деньги — все. Между тем люди живые. И в воздухе витает неслышимый плач. Герой разобрал некоторые слова этого плача: «О, солнце блаженных, зачем ты обходишь наш край стороной?» Да, они чувствовали себя глубоко несчастными, но если приглядеться, можно было увидеть в

груди у каждого просвечивавшую сквозь лед тусклую золотую точку на месте сердца. Это была их бессмертная бабочка (бессмертная душа), которая была сделана из живого солнца, но сейчас она спала. И если только они выйдут к солнцу, она тотчас проснется и оживет. И они перестанут быть ледяными. Они жалуются и плачут о Солнце, но о том, чтобы выйти к солнцу не может быть и речи. «Мы же растаем, — говорят они. — Дать растаять? Всему? Дать растаять нашим домам, деньгам, роскошным ледяным автомобилям?»

— Но разве вы не хотите быть счастливыми? — спросила фея.

— Счастье — это слишком неопределенно, — ответил ледяной господин. — И ведь если хорошенько вдуматься, лед крепче каких-то воды и ветра. Он держит форму. В нем есть мужественная определенность.

Вот эта «мужественная определенность» льда пока что определяет поведение нашего мира. Да, «он крепче каких-то воды и ветра». Но творят жизни эти лишённые крепости и формы вода и ветер. Творит жизнь Дух, и «сила Духа — больше силы ветра, силы камня».

Вот об этой силе Духа, о Встрече с живым, творящим все заново Духом, говорит Суздальцев в своей прекрасной книге — сборнике статей «Свет Святыни».

Эта книга — одно из убедительных свидетельств того, что живой Дух набирает силу в нашем мире, что процесс взросления мира продолжается, крепнет. Вся книга — неустанная борьба с оледенением, взламыванье льда. Мертвая, давящая своим каменным авторитетом цитата противопоставляется живому, только что заново рождающемуся слову. Вся книга — призыв повернуться извне вовнутрь — туда, где находится живая творческая сила. Повернуться вовнутрь к истинной святыне. «Настоящая святыня, — говорит Суздальцев, — это то, что важнее жизни и смерти. Больше, чем жизнь, и больше, чем смерть. Потому что настоящая святыня не только бессмертна, но она сама и является источником жизни. Ее называют по-разному: Дао, Истина, Бог, Дух. Но суть одна: она начало и невидимая основа, которая способна дать жизни смысл и бесконечную глубину».

О Боге в книге говорится очень целомудренно, — никогда не с чужих слов, не путем «ледяных» авторитетных цитат. Только как о пережитом, встреченном сердце. «Христос предупреждает нас, — говорит Суздальцев, — будьте осторожней с цитатой, с копией — потому что меня невозможно скопировать точно, растиражировать адекватно. Меня можно лишь встретить и пережить. И не когда-то, а прямо сейчас — вне времени, пространства и объекта».

Один святой (кажется, Афанасий Великий) сказал: Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом. Процесс обоженья человека и есть процесс взросления до полной зрелости. Осуществления того образа, по которому мы созданы. Процесс взросления человечества есть процесс обращения внутрь, к живым созидательным силам.

Наше время близко к апокалиптическому. Время жатвы. Время собирания плодов. Время, когда труднее всего уклониться от Божьих требований. Мы либо будем выполнять их, либо погибнем. И эта близость гибели может быть не только угрозой, но и надеждой на преображение.

Богословие после Освенцима требует предельного спроса с себя. «Это Рим, который взамен турусов и колес не читки требует с актера, а полный гибели всерьез» (Б. Пастернак).

Великая суровость нашего времени ставит нас перед бездной, — великой Пустотой, которая одних будет страшить, а для других окажется пространством, расчищенным Творцом для живого творчества. Это великий вызов, на который могут и должны откликнуться все живые души.